А. А. НАУМОВ И ЕГО КАРТИНА «БЕЛИНСКИЙ ПЕРЕД СМЕРТЬЮ»

Сообщение С. А. Рейсера

Смерть спасла Белинского от Петропавловской крепости, но его литературное наследие долго находилось под спудом. Самое имя Белинского в течение многих лет было запретно, и о нем говорилось обиняками, как о «критике гоголевского периода», «покойном русском критике», «авторе статей о Пушкине», «сотруднике „Современника“» и т. д. Произведения Белинского до 1856 г. не переиздавались, а позднее длительное время не допускались в общественные библиотеки и исключались из школьных программ.

Крупнейший деятель передовой русской культуры, Белинский сыграл немалую роль и в истории русского изобразительного искусства. Идеи Белинского оказали существенное влияние на творчество виднейших художников.

Судьба картины Наумова «Белинский перед смертью» — характерный эпизод в истории попыток самодержавной власти исказить представление о Белинском, как о борце против царско-крепостнического строя.

I

Алексей Аввакумович Наумов родился 5 февраля 1840 г. Он был сыном крепостного крестьянина[1]. Некоторое время он учился в городском училище во Владимире, затем переехал в Петербург, где посещал воскресные классы Петербургской рисовальной школы для вольноприходящих (впоследствии рисовальная школа Общества поощрения художеств). В 1859 г. Наумов поступил в Академию художеств и вскоре выдвинулся как талантливый рисовальщик. Картины Наумова начали появляться на выставках. В 1867 г. он получил две малые серебряные медали (по рисованию и живописи), в 1872 г. — звание художника 3-й степени, в 1873 г. — 2-й степени, в 1874 г. — 1-й. В 1878 г. Наумов получил вторую премию Общества поощрения художеств (за «Сцену в келье Чудова монастыря»).

Картины Наумова (в 1873, 1875 и 1876 гг.) экспонировались и были премированы на лондонской и филадельфийской международных выставках; художник снова получил медали и почетные отзывы. Выставки его картин в Харькове и в Киеве в 1886 г. прошли с успехом; картины охотно раскупались.

Наумову принадлежит свыше пятидесяти полотен, рассеянных в настоящее время по государственным музеям и частным собраниям Советского Союза. Это, прежде всего, жанровые сцены из крестьянской жизни. Стóит перечислить некоторые, более известные: «Дедушка», «Крестьянские дети, рассматривающие глобус», «Курная изба», «Староста», «Пастух», «Вдова», «Голова девочки», «Старый деревенский портной»,

«Деревенская кухня», «Осень», «Голова старика», «Путник», «Душевный совет», «Старый друг», «На опушке леса», «Странствующий богомолец». Сюда же относится и «Катерина» 1886 г. (на сюжет поэмы Шевченко).

Такие картины, как «Вид книжного магазина Глазунова», «Монах-капуцин» (в 1874 г. художник был в Риме) являются более или менее случайными в творчестве Наумова. Жизнь на Кавказе во второй половине 1870-х годов отразилась в живописи Наумова несколькими картинами: «Проводы масленицы в Тифлисе», «Ахалцыхский еврей-гахам», «Угольщик-имеретин», «Головка мальчика-имеретина» и др.

Наумов-портретист почти неизвестен. Сохранились лишь сведения о его портретах В. П. Острогорского (1867 г.) и П. И. Чайковского (1894 г.)[2].

Художник пробовал свои силы и в религиозной живописи: «Благословение детей» — картина явно неудавшаяся. Не выше ремесленного стандарта были и некоторые иконы, которые ему приходилось писать из нужды[3].

Мы почти ничего не знаем о мировоззрении Наумова, о его взглядах на искусство, о людях, с которыми он был близок. Он был свой человек в кругу поэта Спиридона Дрожжина[4], но эта биографическая справка еще ничего не разъясняет в идеологии Наумова. Политические мотивы, довольно глухие вообще в его творчестве, прозвучали лишь однажды, в картине «Разлука. Сцена из недавнего прошлого»[5]. Дата этой картины не установлена. В ней изображено прощание с женой отправляющегося в ссылку.

В 1884 г. Наумов написал две картины на литературно-биографические темы. Сюжетами он выбрал трагическую гибель Пушкина и смерть Белинского. Первая из этих картин быстро приобрела популярность, вокруг второй завязалась сложная и длительная борьба.

Отзывы прессы о большинстве картин Наумова были сдержанны. Критика отмечала однообразие красок, невыразительный рисунок, упрощение сюжета. Характерно, что Наумов оставался чужд передвижникам. 26 марта 1876 г. И. Е. Репин из Парижа писал В. В. Стасову, очевидно, в ответ на какое-то его замечание: «...ничего не жду от Наумова (из другого-то лагеря)...»[6]

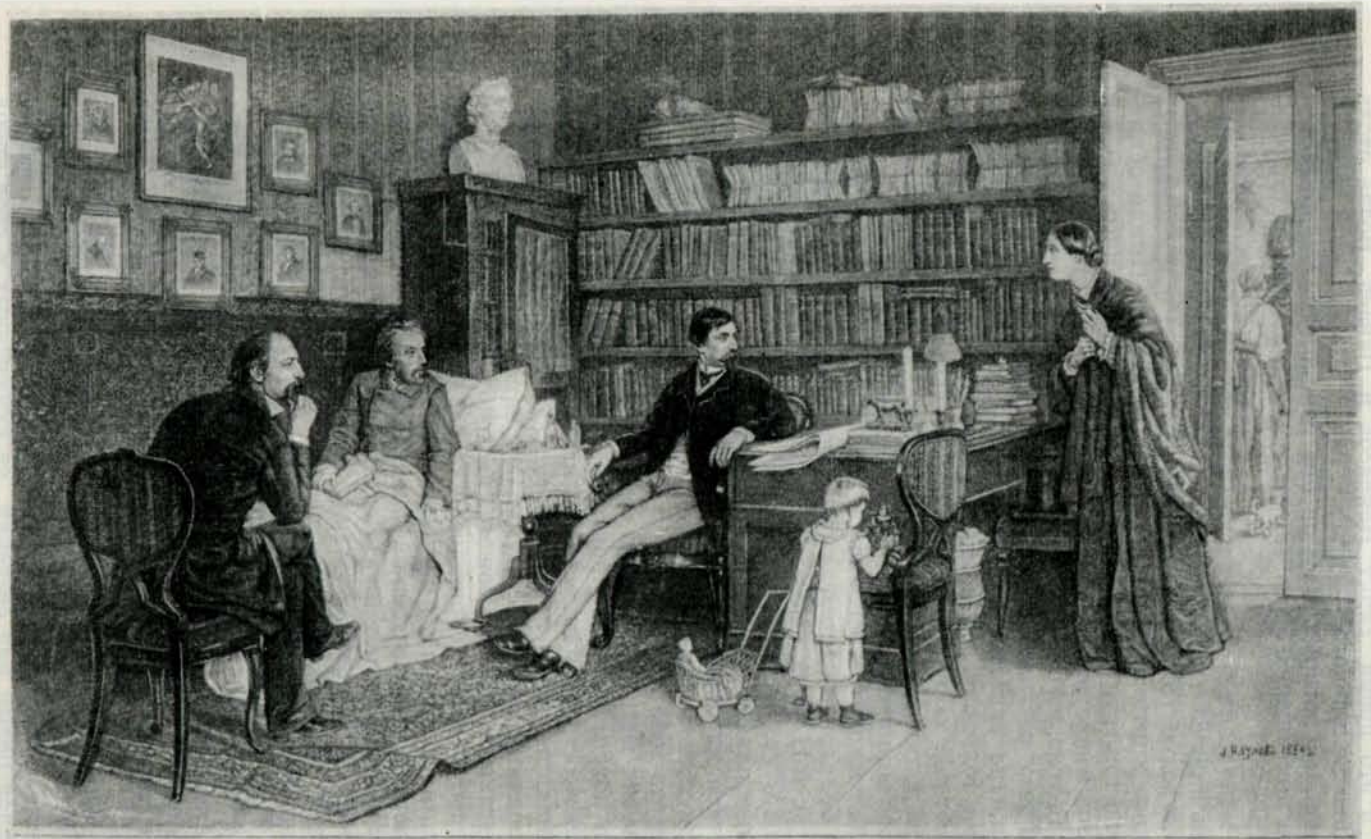
Стасов, впрочем, не разделял такой сурово-безнадежной оценки и в статье 1876 г., посвященной выставке «Общества выставок», выделил кавказские картины Наумова. Оценивая картину «Тифлисская масленица», он писал: «Г-н Наумов покуда классный художник, значит, кто-то начинающий, значит, нельзя с него много и требовать. А все-таки, мне кажется, из него может выйти толк, хотя его кисть покуда порядочно суховата и сера». Сочувственнее отзыв Стасова об «Ахалцыхском еврее»,— заканчивающийся словами: «Авось из этого художника что-нибудь и выработается впоследствии»[7].

Последние годы больной туберкулезом и обремененный семьей Наумов жил частными уроками, преподавал во 2-й петербургской гимназии, в приюте принца Ольденбургского, а в 1892 г. выпустил сочувственно встреченное критикой руководство по рисованию[8].

29 октября 1895 г. Наумов скончался.

II

Картина Наумова о Белинском широко известна; в течение семидесяти лет она воспроизводилась десятки, если не сотни раз, и прочно вошла в наше сознание. Зрительное представление о Белинском людей нашего поколения, в значительной степени, восходит именно к этой картине. На картине изображено, как жена Белинского сообщает мужу о приходе



Бѣлинскій передъ смертью. Картина А. А. Наумова.

Съ фотографіи Гравюрная В. Адтъ

БЕЛИНСКИЙ ПЕРЕД СМЕРТЬЮ

Гравюра В. Ф. Адта, 1898 г. с картины А. А. Наумова, 1884 г.

Воспроизведение первоначального варианта картины

Музей-квартира Н. А. Некрасова, Ленинград

жандарма, явившегося с повесткой о вызове в III Отделение. Справа, в глубине виден самый жандарм, разговаривающий с прислугой. У больного Белинского в это время сидят Некрасов и Панаев. Возле стола играет в куклы дочь Белинского — Ольга [9].

Круг источников, из которых Наумов мог почерпнуть основные сведения о Белинском и об эпизоде с вызовом его в III Отделение, устанавливается легко.

Единственной монографией о Белинском был труд А. Н. Пыпина «Белинский, его жизнь и переписка», вышедший в 1876 г. (а до того напечатанный в «Вестнике Европы» 1874—1875 гг.). В нем эпизод о предсмертных волнениях великого критика дан в самой общей форме. Пыпин обиняками рассказывает о том, как интерес к Белинскому от цензурных властей «перешел и в другое ведомство». Далее он сообщает о «неприятных письмах», полученных Белинским от М. М. Попова, должность и место службы которого тоже прямо не названы: есть лишь глухая ссылка на 1-ю главу монографии, где сказано, что Попов был старшим чиновником III Отделения. Один только раз во всем рассказе прямо назван жандарм, явившийся с повесткой: «По тогдашним обстоятельствам можно понять, какое впечатление должно было произвести неожиданное и загадочное появление этого посланного ⟨...⟩ в квартире Белинского»[10].

Рассказ Пыпина восходит, в основном, к воспоминаниям И. И. Панаева. «Воспоминание о Белинском» Панаева было опубликовано в «Современнике» 1860 г. (№ 1), и Наумов знал его по тексту «Современника» или отдельного издания 1876 г. Эпизод с вызовом в III Отделение был изложен там буквально в нескольких строках: ни одно имя названо не было.

Вся история стала известна широкой публике, когда в «Русской старине» 1882 г. были напечатаны два письма Попова к Белинскому — от 20 февраля и 27 марта 1848 г.[11] Редакция комментировала их очень сдержанно, но не могла все же не написать о том, что этими письмами Белинский был «крайне потрясен и взволнован». Эти материалы Наумов не мог не знать. В письмах содержалось приглашение явиться в III Отделение. В. Е. Якушкин передает следующий рассказ Некрасова П. А. Ефремову: вспоминая кончину Белинского, умирающий поэт в 1876 или 1877 г. говорил: «Вы представить себе не можете, какое было тогда время. Нам ⟨Некрасову и Панаеву. — *С. Р.*⟩ пришлось как раз сидеть у смертельно больного Белинского, когда к нему принесли письмо от Попова, и посланный, когда ему сказали, что Белинский болен, для того, чтобы удостовериться в этом, сам заглянул в комнату. Потом дважды в день приходилось сообщать о состоянии здоровья Белинского»[12]. Таким образом, на картине изображено событие, происшедшее 27 марта 1848 г.

Кроме воспоминаний Панаева, знал, конечно, Наумов и «Воспоминания о Белинском» Тургенева. Они были напечатаны в «Вестнике Европы» за 1869 г. (№ 4) и перепечатаны в первом томе «Сочинений» Тургенева, изданном в 1880 г. «...какие беды ожидали его, если б он остался жив! Известно, что полиция ежедневно справлялась о состоянии его здоровья, о ходе его агонии... От тяжких испытаний избавила его смерть», — писал Тургенев[13].

Помимо находившихся в распоряжении художника печатных материалов, ему, вероятно, были известны и неизданные в то время данные — он мог получить их, например, от П. А. Ефремова или А. Н. Пыпина, у которого оставался целый ряд сведений, не включенных в свое время в его книгу по цензурным соображениям. Возможно, например, что Наумов знал опубликованное только в наши дни письмо И. Н. Захарьина (Якунина) к А. Н. Пыпину от 20 августа 1874 г. Захарьин передавал потрясающий рассказ родственника Белинского, Д. П. Иванова, о том, как «в последние часы жизни Белинского к нему в квартиру, ночью, явился

адъютант генерала Дубельта... Умирающий Белинский был уже в бреду и без сознания; завидя гостей, он приподнялся в постели и стал говорить „речь к народу"... Мария Васильевна, сообщавшая этот факт г. Иванову, говорила что эта „речь", произнесенная в бреду и почти в предсмертной агонии, была так жгуча и увлекательна, как никогда... Она и 4-х летняя дочь стояли у кровати... Бледен и молчалив был жандармский офицер... „Маша! растолкуй им — они не понимают!.." — проговорил умирающий, указывая на жандармов...»[14]

О тщательности и добросовестности, с какой Наумов собирал материалы для своей картины, свидетельствует сохраненный И. И. Ясинским рассказ о визите художника к Гончарову:

«...Беседа была прервана средних лет человеком, низко поклонившимся Гончарову еще у дверей.

— Имею честь наименоваться — художник Наумов.

— Пожалуйста, что вам угодно?

— Вы изволили быть современником незабвенного Виссариона Григорьевича Белинского и, наверно, бывать у него, а я хочу изобразить тот момент его жизни, когда он, больной чахоткою, лежит у себя и жандарм справляется об его здоровье. Так мне нужно было бы знать приблизительно, какая была обстановка в его кабинете? Где стоял стол, книжный шкаф, диван?

Гончаров в нескольких словах удовлетворил его, пояснив, что у Белинского он бывал довольно редко, хотя игрывал с ним в преферанс. Белинский жил тогда на Лиговке, во дворе.

Художник все время стоял, занес что-то в записную свою книжку и откланялся»[15].

Наумов, несомненно, знал гораздо больше того, что мог изобразить на картине: но и то, что было показано, производило очень сильное впечатление, рисуя зрителю обстановку, в которой умирал великий критик. Картина Наумова договаривала то, что не было написано, но подразумевалось у Панаева и Пыпина, и, конечно, имела значение пропагандистско-революционного документа.

Задача художника состояла не в том, чтобы дать еще один портрет Белинского, а в том, чтобы показать последнюю трагическую страницу жизни великого критика.

По поводу разных возможностей портретного изображения передовых деятелей Маркс и Энгельс, еще в 1850 г., писали в одной из рецензий: «Было бы весьма желательно, чтобы люди, стоявшие во главе партии движения, — до революции ли, в тайных обществах или печати, после нее ли в качестве официальных лиц — были, наконец, изображены суровыми рембрандтовскими красками во всей своей жизненной яркости. Все существующие описания никогда не рисуют этих лиц в их реальном виде, а лишь в официальном виде, с котурнами на ногах и с ореолом вокруг головы. В этих преображенных рафаэлевских портретах пропадает вся правдивость изображения»[16].

Вряд ли Наумов знал эти слова Маркса и Энгельса, но его портретная картина вполне соответствовала формулированной в этих строках задаче. Перед нами — не официальное изображение в традиции русской портретной живописи XVIII — XIX вв., а борец, показанный накануне смерти и все же в борьбе.

Все лица изображены на картине портретно. Белинский написан довольно близко к рисунку Е. А. Языковой. Этот рисунок был сделан незадолго до смерти Белинского по памяти, вскоре после посещения умирающего критика. С 1880 г. подлинник Языковой находился у

П. М. Третьякова, но существовали еще автокопия и копия художника А. Редера,—и то и другое принадлежало в свое время Некрасову. После его смерти вдова поэта — З. Н. Некрасова — подарила копию Редера П. А. Ефремову, который напечатал ее 1 ноября 1880 г. в № 44 «Живописного обозрения». Этот портрет неоднократно воспроизводился и вместе с близким и сделанным в том же ракурсе портретом К. А. Горбунова приобрел широкую популярность[17].

Трудно сказать, насколько точно изображена М. В. Белинская. В печати известны лишь более поздние ее портреты[18]; вероятно, в распоряжении художника были какие-то ее изображения или он опирался на рассказы Пыпина, Ефремова и других о ее наружности.

Вряд ли Наумов знал портреты Панаева. Во всяком случае, фотография, воспроизведенная в «Русском художественном листке» В. Ф. Тимма (1857, № 34), очень далека от того, что мы видим на картине Наумова[19].

Что же касается Некрасова, то здесь Наумов совершенно сознательно допустил до сих пор еще никем не отмеченный анахронизм. Для того чтобы сделать картину наиболее действенной и доходчивой, надо было, чтобы зритель сразу узнавал привычных им людей. Поэтому Наумов подчеркнул сходство Некрасова с распространенными и популярными его изображениями: широко известными фотографиями Г. Деньера (1864 г.), С. Л. Левицкого (1864 г.) и др. и портретом И. Н. Крамского (1877 г.)[20]. На одной из фотографий Левицкого Некрасов правой рукой держится за бороду — так же, как и у Наумова; различие лишь в том, что у Левицкого Некрасов изображен в три четверти вправо, а у Наумова в профиль направо.

На указанных фотографиях Некрасову сорок три года. Между тем в год смерти Белинского Некрасову было неполных 27 лет. Естественно, облик Некрасова в молодости был иной: стóит сравнить акварель М. Захарова 1847 г., чтобы понять эту разницу. У Захарова Некрасов изображен полнощеким провинциалом, безбородым, с небольшими усиками, с прической вроде гоголевской[21]. Взгляд устремлен вдаль, без того горестного выражения, которое так характерно для Некрасова 1860-х и следующих годов. Даже карандашный набросок И. Петровского (его Наумов не мог знать) или литография В. Ф. Тимма (опубликованная в «Русском художественном листке» 1857 г.) дают совсем отличный от наумовского облик. Лишь в профильном (левом) изображении литографии П. Бореля по фотографии Деньера 1859 г. находим сходство с портретами Некрасова, популярными в 1880-х годах[22].

III

Картина Наумова была закончена в самом начале 1884 г.[23]

Вскоре же начались хлопоты об ее экспонировании. Общественное мнение было подготовлено несколькими газетными заметками информационного характера. По-видимому, первой и наиболее подробной была заметка в «Новостях и Биржевой газете». Автор ее, «Клм. Кнд.», то есть «Коломенский Кандид» — В. О. Михневич, напечатал о новой картине следующее сообщение. Приводим его с небольшими сокращениями:

Мне сейчас посчастливилось видать замечательную художественную новость, о которой очень мало кто знает. Это сейчас только вышедшая из-под кисти картина молодого ⟨?!⟩ художника — А. А. Наумова, имя которого до сих пор редко встречалось в наших художественных летописях. Картина г. Наумова положительно замечательна и прекрасна как по идее и сюжету, так и по исполнению. Художник взял известный трагический предсмертный момент из многострадальной жизни нашего знаменитого критика ⟨...⟩

Откладывая до другого раза обстоятельное описание картины г. Наумова, теперь спешу только к сведению друзей родного искусства сообщить, что вещь эта имеет все права на их особенное внимание. Почтенный художник положил на свою картину много труда, много изучения литературы избранного им сюжета, много любви и много таланта. Сходство портретов, историческая точность всей обстановки, всех деталей, всей даже, так сказать, атмосферы данной эпохи поразительны! Нельзя оторваться от картины, так она сразу захватывает зрителя, и чем более вы в нее вглядываетесь, тем она больше нравится вам, тем больше изумляет

БЕЛИНСКИЙ ПЕРЕД СМЕРТЬЮ

Вырезка из неустановленного иллюстрированного издания, 1910 г.
Воспроизведение варианта картины, частично переделанной в уступку требованиям цензуры

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

и восхищает своей строгой обдуманностью, своей идеей и своей художественностью! Вкус, знание, эстетическое чувство меры в выражении психологического эффекта, жизненность всей картины и удивительная, в техническом отношении, отделка ее деталей, — решительно не оставляют желать ничего лучшего!

Желающие убедиться в том, что г. Наумов действительно подарил нам превосходную картину, могут адресоваться к нему лично в его студию (Михайловская площадь, дом Дашковой)[24].

Вскоре в распространенном журнале «Всемирная иллюстрация» (в номере от 25 февраля) была помещена еще одна заметка: в ней сообщалось, что на готовящейся к открытию 26 февраля очередной передвижной выставке будет показана новая картина художника Наумова. Эта картина характеризуется как «довольно серьезное произведение, выполненное добросовестно, с прекрасно удавшимися портретными фигурами умерших уже наших известных писателей»[25].

Эти (и другие) газетные и журнальные заметки сразу же вызвали большой интерес к картине, студию художника стали посещать многочисленные любители, толки о картине, несомненно, проникли и в Департамент полиции, и нет ничего невозможного в том, что рассказывает автор

обнаруженных воспоминаний — Н. А. Смирнов (см. приложение к настоящей статье, стр. 569—571).

Вскоре же по окончании картины, Наумов хотел экспонировать ее и продать. Одновременно возник план воспроизведения картины в печати.

С этого момента и начинается история запрещения картины.

Запрет был подготовлен реакционной прессой. В анонимной (но, несомненно, принадлежащей редактору и издателю журнала «Гражданин» кн. В. П. Мещерскому) статье «В тенётах тенденции. (Разные вести и толки)» автор ее сетовал на либеральное направление, захватившее молодое поколение. Искание популярности и дешевого успеха, по его мнению, «до такой степени обуревают сколько-нибудь талантливых людей, что они готовы для этого делать что угодно. Легчайший способ для художников⟨...⟩ рисовать нагих женщин или брать либеральные темы».

В качестве примера второго случая Мещерский и приводит картину Наумова. Он мог видеть ее в это время только в студии художника. Мещерский считает, что Наумов изобразил мало правдоподобный эпизод, едва ли не придуманный Панаевым. Появление жандарма «не имело никаких последствий, и к последствиям не было и повода, чего не мог не знать и сам Белинский и его друзья».

Заподозрив самый факт, Мещерский спешил опорочить и картину — она, мол, без колорита, рисунок неприятный, все персонажи — на одно лицо, в одном повороте головы и т. д. Но так как Наумов «бил на недостойный эффект известного рода», то Мещерский предрекает картине шумный успех, отчасти уже имеющий место: «С картины уже заказывают копии, раскупают фотографии, купят ее, конечно, за хорошую цену, хвалят в либеральных газетах». В заключение, прочитав художнику соответствующую нотацию, Мещерский писал, что картина «конечно, явится на выставке передвижной, весенней, потом пойдет для назидания гулять по России, вместе с „Крестным ходом“ Репина. Ее *не позволили* выставить отдельно, об этом говорят. Это *непозволение*, среди известного рода кружков, делает уже половину того пошлого успеха, на который и рассчитывалось и который с искусством ничего общего не имеет»[26].

Эта провокационная по тону статья преследовала совершенно очевидную цель. Она появилась в номере от 19 февраля, то есть когда никакого официального запрещения картины еще не было. Если учесть роль и влияние Мещерского в это время в высших бюрократических и придворных кругах Петербурга, то станет ясной цель, с которой статья была напечатана. Мещерский призывал к запрещению картины.

Некоторое время судьба картины еще была неясна. Существовала надежда на то, что на выставке передвижников она все-таки появится. В неизданном письме Наумова к Михневичу, написанном между 20 и 25 февраля 1884 г., были такие строки: «Читал „Гражданин“ и нашел, что он, как нельзя более, подтверждает мое убеждение, что у нас в России все вывески врут: ему нужно назваться *лакеем* — он отрицает самый факт и низводит его на степень анекдота. Картину поставил, выставка откроется 26...»[27].

Однако в результате полицейского запрета картина на выставке передвижников не появилась[28]. Еще в январе или феврале 1884 г. Наумов обратился в Петербургский цензурный комитет с просьбой о разрешении воспроизвести картину в печати. Цензурный комитет отказал. Тогда Наумов обратился с жалобой в Главное управление по делам печати. Его хлопоты не только не увенчались успехом, но вызвали еще особое конфиденциальное отношение начальника этого ведомства, известного реакционера, Е. М. Феоктистова к петербургскому градоначальнику П. А. Грессеру от 1 марта 1884 г.:

Милостивый государь Петр Аполлонович.

Художник Наумов обратился ко мне с жалобою на С.-Петербургский цензурный комитет, не дозволивший к печати снимка с картины, изображающей последние минуты жизни Белинского.

Оставив эту жалобу без удовлетворения, ввиду крайней тенденциозности названной картины, я при этом узнал, что цензурное разрешение было желательно получить г. Наумову, главным образом, для того, чтобы на основании этого разрешения иметь возможность выставить оригинал для обозрения публики.

Принимая во внимание, что по поводу картины Наумова уже появилось много тенденциозных отзывов в нашей периодической печати и что публичная выставка этого произведения несомненно вызовет новую газетную агитацию и вместе с нею произведет безусловно вредное и несогласное с достоинством правительства впечатление на публику, я долгом поставляю сообщить о всем изложенном вашему превосходительству для сведения, на случай если Наумов обратится к вам непосредственно с ходатайством о разрешении на устройство выставки с картины [29].

Через несколько дней в статье «Передвижное товарищество. (Разные вести и толки)» Мещерский продолжал обвинять передвижников в тенденциозности, в желании «потрясти основы» и во что бы то ни стало провести свои идеи, которые «так жалки, так очевидно надуты в уши и наклеены». Перечислив ряд «тенденциозных и вредных» картин, Мещерский с невинным видом писал: «Прибавьте к этому картину „Последние минуты Белинского" Наумова, которую, *кажется*, не допустили на выставку или он сам не захотел ее выставить» [30].

Реакционный лагерь добился своего: все пути сразу же оказались для Наумова отрезанными. Неудачей закончились и попытки продать картину.

В январе 1884 г. художник П. П. Чистяков обратился к Третьякову со следующим письмом:

Многоуважаемый и дорогой Павел Михайлович.

На днях зашел я к художнику Наумову и к удовольствию моему нашел у него хорошую, особенно по замыслу, картину «Последние дни Белинского». Сочинена картина очень просто-натурально. На постели — Белинский внимательно-стремительно выслушивает жену свою, объявляющую о пришедшем солдате-жандарме, который и виден в третьей комнате, разговаривающий с кухаркою. Некрасов и Панаев, гости, тоже оглянулись на говорящую супругу Белинского. У стула, на полу спиной к зрителю стоит маленькая дочь Белинского. Так как художник пригласил меня для замечаний, то я и постарался (конечно, осторожно). Вообще картина, хотя по технике и российская, но мне очень нравится. Что-то есть простое, живое в ней, чего редко встречаешь.

Не знаю, позволят ли поставить ее на выставку. Если будете в Питере, то вот вам адрес художника. Угол Михайловской и Итальянской, дом, где мастерская Мещерского, Годуна и проч. Все это близехонько от Европейской гостиницы. Пишу к вам об этом, многоуважаемый Павел Михайлович, на основании давнишней просьбы вашей писать о хороших и новых работах.

Душевно преданный и искренне вас уважающий

Павел Чистяков [31]

30 января Третьяков отвечал Чистякову:

Многоуважаемый Павел Петрович.

Очень благодарен вам за сообщение о картине Наумова: я буду в Петербурге через неделю или дней десять и посмотрю. Сколько реклам было уже об этой картине, даже противно. А я и К. Т. Солдатенков, не видав картины, сделали предложение художнику — продать ее. Картину, т. е. содержание ее, не совсем понимаю; может быть, увидав, пойму,— зачем было писать подобный сюжет. Крепко жму вам руку и желаю всего лучшего.

Ваш преданный П. Третьяков[32]

Не понравилась ли Третьякову картина или на него повлияли иные причины, но покупка не осуществилась. Ни выставить, ни воспроизвести, ни продать картину (вопреки предсказаниям Мещерского) не удалось. Картина осталась у Наумова. Ему пришлось ограничиться только тем, что он полуподпольно распространял среди близких людей и в кругах передовой молодежи изготовленные еще раньше фотографии с картины[33].

IV

Лишь через семь лет — 20 декабря 1890 г. С.-Петербургский цензурный комитет разрешил фототипическое воспроизведение картины Наумова. Фототипия была (по фотографии А. К. Ержемского) изготовлена у А. И. Вильборга.

До сих пор остается, однако, неизвестным, что эта фототипия представляет собою не подлинную картину, а ее искалеченный вариант. Мы знаем лишь один экземпляр этой фототипии, находящийся в фондах музея Института русской литературы[34].

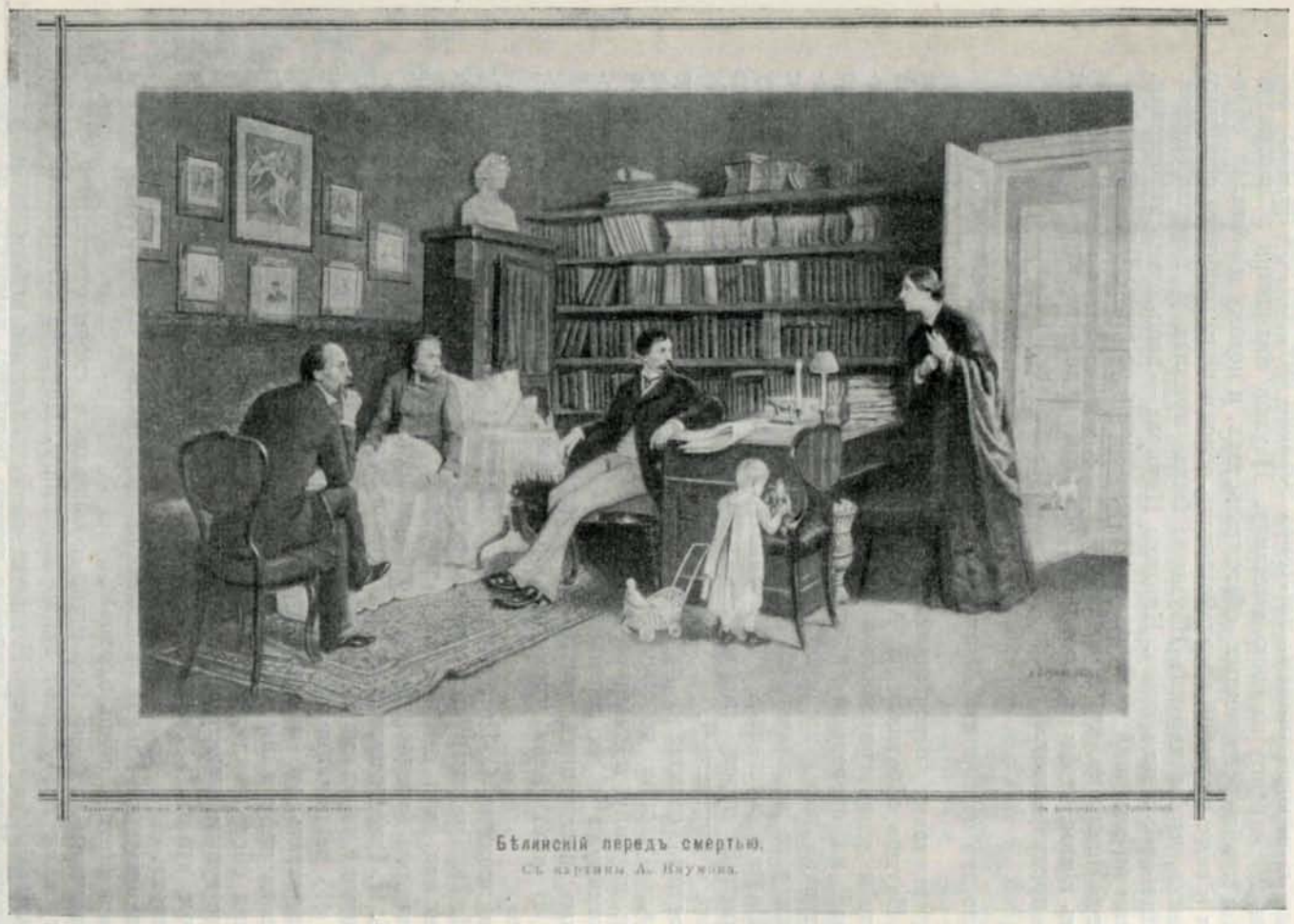
Сравнительно с первоначальным изображением, изменена вся правая сторона. Дверь (в ином повороте) в прихожую наглухо закрыта, ни прислуги, ни жандарма не видно. Собачонка «Малка» стоит не у ног прислуги, как раньше, а перед закрытой дверью: она лает на кого-то находящегося за ней. Кроме этого в картине все оставлено в прежнем виде, но теперь для правильного ее понимания уже нужна историко-литературная эрудиция. Цензурное ведомство добилось своего и «обезвредило» картину, сделав ее понятной лишь для узкого круга зрителей.

Старая картина была переделана в конце 1890 г. После семилетнего запрета Наумов хотел сразу же устроить переделанный вариант на выставку и продать его — к этому художника вынуждала острая необходимость.

Наумов обратился к передвижникам, на выставке которых картина в свое время должна была появиться. Ему казалось, что манера его письма, политическая острота картины, претерпевшей репрессии, обеспечивает его работе место именно среди их картин. Однако передвижники взять картину на свою 19-ю выставку по невыясненным причинам отказались. Наумов попробовал добиться этого через Е. П. Карпова, но из его попытки ничего не вышло.

Этот эпизод выясняется из следующего неизданного письма драматурга и режиссера Евтихия Павловича Карпова (1857—1926) к Глебу Успенскому (датируется по почтовому штемпелю: 17 февраля 1891 г.):

Дорогой Глеб Иванович! У меня есть до вас очень большая просьба. А. А. Наумов, художник, написавший «Белинский перед смертью»,



БЕЛИНСКИЙ ПЕРЕД СМЕРТЬЮ

Фототипия с фотографии А. К. Ержемского, 1890 г.

Воспроизведение варианта картины. Правая сторона кардинально переделана в уступку требованиям цензуры

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

«Дуэль Пушкина» и много др. картин, добился, наконец, после семи лет запрещения, выставить свою картину «Белинский перед смертью». Обратился к передвижникам, но Лемох объявил ему, что они не могут поставить эту картину на свою выставку. Наумов находится в настоящее время в крайне стесненных обстоятельствах, и потому я решился обратиться к вам с просьбой посодействовать, через вашего хорошего знакомого Ярошенко, чтобы картина Наумова была принята у передвижников. Сделайте это, если можете. Картина Наумова — вещь очень интересная, да и сам он хороший человек, которому помочь не грех. Простите, дорогой Глеб Иванович, что я беспокою вас моей просьбой. Хотел сегодня заехать к вам, чтобы переговорить об этом деле, да второй сын мой что-то прихварывает.

Ев. Карпов

Дело это не терпит. 20 оканчивается прием картин[35].

На выставку передвижников картина все же принята не была. Тогда Наумов обратился в Академию художеств, где картина была принята и демонстрировалась вместе с другой его же картиной «В отставке»[36] на очередной выставке, открывшейся почти одновременно с выставкой передвижников. О том, что на этой выставке экспонировался уже искалеченный вариант картины, ясно из отзывов прессы: «Г-н Наумов выставил свою старую, переделанную только картину „Белинский перед смертью“» — читаем в «Живописном обозрении» в отчете о выставке[37].

Газетные отзывы о картине не отличались единодушием. «Новое время», «Русские ведомости» и «Петербургский листок» предпочли обойти картину молчанием и в своих статьях о выставке вовсе о ней не упомянули[38]: их внимание было в большей степени занято «высочайшим» посещением выставки и перечнем свиты, сопровождавшей царя. В этой связи упоминать полукрамольную картину было «бестактно».

Реакционные «С.-Петербургские ведомости» устами Rectus'а (псевдоним П. П. Гнедича)[39] отозвались о картине злобно-недоброжелательно. Сделав вид, что он не знает причины, по которой картина долго не выставлялась (предположить, что он не знал истинной причины невозможно), П. П. Гнедич писал: «А. А. Наумов выставил, наконец, свою картину „Белинский перед смертью“, много лет, в силу академической щепетильности ⟨!⟩ не появлявшуюся на выставке. Мы отказываемся понять боязнь показать это наивное произведение публике». Пренебрежительно описав картину и постаравшись задеть этим описанием Белинского («мещанская обстановка», «неопрятно одетая девочка», жена критика изображена «с тупым, ничего не выражающим лицом»), Гнедич сообщал, как бы мельком, что М. В. Белинская «вошла в комнату с каким-то неприятным известием».

В заключение Гнедич безапелляционно заявлял: «Беда в том, что написана вся картина очень плохо»[40].

«Биржевые ведомости» скупо сообщали в своем отчете, что «интерес публики возбуждает также картина г. Наумова „Белинский перед смертью“»[41].

Только «Новости и Биржевая газета» решились намекнуть на основное, то есть на политическую сущность картины: «Входит жена и приносит ему какую-то недобрую весть ⟨...⟩ В эту же сторону бросилась собачка и залаяла. В этой мгновенной сцене ничто не подчеркнуто, а между тем все ясно, и самая сцена, как взятая с натуры, вполне удовлетворяет зрителя»[42].

Картина и на этот раз осталась не проданной[43], и Наумов, по-видимому, вскоре же восстановил первоначальный вариант[44].

История картины этим, однако, не оканчивается. Среди художественных вырезок собрания Дашкова в музее Института русской литературы (Г2-12822) есть еще один вариант картины. Он соответствует основному, с одним лишь отличием — жандарм, собеседник кухарки, отсутствует.

Трудно сказать что-либо определенное о происхождении этой редакции. Возможно, что Наумов попытался вначале пойти на некоторый компромисс — убрать лишь фигуру жандарма. Но когда власти этим не удовлетворились, ему пришлось пойти дальше и изобразить дверь закрытой. Возможно, однако, что такого варианта картины никогда не существовало, а вся операция с удалением жандарма была произведена при подготовке клише к печати: обнаруженный нами вариант из собрания Дашкова (вырезка) остался недатированным, но, несомненно, что он относится к 1910 г.

V

23 марта 1898 г., уже после смерти Наумова, опекунша его детей, некая А. П. Иванова, обратилась в Петербургский цензурный комитет с просьбой разрешить ей отпечатать фототипически 500 экземпляров картины «не для продажи в магазинах, а по желанию Общества любителей российской словесности». При этом Иванова ссылалась на то, что картина была уже дважды разрешена цензурой.

Речь шла на этот раз о первоначальном варианте картины.

26 марта Комитет по докладу цензора Н. Пантелеева постановил картины «не разрешать и представить о том Главному управлению по делам печати»[45].

Донесение Пантелеева сохранилось в делах Главного управления по делам печати и достойно того, чтобы быть опубликованным:

В свое время особым вниманием либеральной части публики пользовалась картина покойного художника Наумова, изображавшего известного критика Белинского на одре болезни.

Картина эта, несомненно, тенденциозная, ибо напоминает публике о том строгом отношении к литераторам, которое вынуждено было принимать бывшее III Отделение собственной его императорского величества канцелярии.

Картина довольно известна: изнеможденный болезнию Белинский, с испуганным лицом, сидит в кровати, и в отворенную дверь прихожей видна фигура жандарма.

Около постели сидят Некрасов и Панаев. Лица изображены в портретах.

Картину эту дозволяли с особенною осторожностью, и она появлялась даже в приложении к «Новому времени» — листку газеты обыкновенно несохраняемому[46].

В настоящее время картину эту в фототипических отдельных оттисках предполагается издать в 500 экземплярах.

Хотя опекунша над малолетними детьми Наумова г-жа Иванова заявляет, что оттиски эти делаются по желанию Московского общества любителей российской словесности ради торжественного чествования 8 апреля памяти Белинского в день пятидесятилетия его смерти,— но Комитет затрудняется пропуском картины, полагая, что при таком чествовании тенденциозность картины еще более подчеркнется.

Ввиду настоятельности просьбы г-жи Ивановой о дозволении картины, С.-Петербургский цензурный комитет на основании статьи 58 устава о цензуре имеет честь представить о сем на разрешение Главного управления по делам печати.

Экземпляр картины при сем прилагается[47].

В Главном управлении была изготовлена специальная «справка», в основном повторяющая приведенное выше конфиденциальное письмо. Приводить ее нет надобности, кроме заключительных строк, сообщающих новую деталь: «По тем же соображениям в июле 1886 г. ⟨вероятно, описка: вместо 1896⟩ Главное управление по делам печати уведомило тверского губернатора на запрос его от 4 июля 1896 г., что допущение фотографического снимка с названной картины в здании Тверской публичной библиотеки является нежелательным»[48].

31 марта Главное управление уведомило Цензурный комитет о том, что снимок «может быть выпущен в свет, ввиду неоднократного уже разрешения к печати означенной картины»[49].

Фототипия, действительно, продавалась в пользу сирот (по 75 коп.) на выставке, устроенной Обществом любителей российской словесности 8—12 апреля 1898 г. и была воспроизведена в «Каталоге...» и «Альбоме выставки... в память В. Г. Белинского...»[50]. Характерно, что во вступительной заметке к альбому («Вместо предисловия») картина именовалась «известной», но содержание ее излагалось даже и через полвека после смерти Белинского довольно туманно: «Жена ⟨...⟩ с испуганным видом сообщает, что *от бывшего учителя пензенской гимназии Попова* опять пришел *посланный* с письмом: в открытую дверь видно, как с этим посланным объясняется кухарка» (стр. 6. — Курсив мой.— *С. Р.*).

VI

При жизни Наумова картина оставалась непроданной. Не была она продана и на небольшой посмертной выставке из 13 картин, устроенной родными и друзьями покойного в конце 1895 г.[51]. На выставке снова продавались фотографии с картины[52].

Оригинал картины был выставлен в Москве на упоминавшейся выше выставке Общества любителей российской словесности 8—12 апреля 1898 г. В каталоге была сделана специальная пометка: «Продается»[53], но это не помогло. Лишь в 1900 г. картина была куплена редактором-издателем прогрессивной по тем временам, вскоре прекратившейся, газеты «Северный курьер» В. В. Барятинским. В газете была напечатана об этом небольшая заметка[54]. Через несколько дней она была перепечатана в «Новостях дня» с ироническим заглавием «Улов» и со следующим примечанием: «Повесить Белинского в ознаменование первой годовщины ⟨нового тысячелетия.— *С. Р.*⟩! Какое это, право, жестокое дело!»[55].

В литературе есть указание, будто бы около 1912 г. вопрос о покупке этой картины обсуждался в совете Третьяковской галереи, но совет по цензурным соображениям ее отклонил[56].

В конце января 1925 г. картина была приобретена от частного лица (К. А. Кинберга) Музеем Революции в Ленинграде, а в 1952 г. была передана во Всесоюзный музей им. А. С. Пушкина, а затем в мемориальную квартиру-музей Н. А. Некрасова в Ленинграде, где она и находится в настоящее время[57].

ПРИЛОЖЕНИЕ

Н. А. СМИРНОВ

ТРАГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ С КАРТИНОЙ ХУДОЖНИКА А. НАУМОВА «БЕЛИНСКИЙ ПЕРЕД СМЕРТЬЮ»

(Из личных воспоминаний)[58]

В настоящее время, когда многочисленные секреты внутренней жизни многострадальной России, скрываемые в течение многих десятков лет в тайниках страшного III Отделения, а потом Департамента полиции, стали уже достоянием исторической науки, не лишним было бы вспомнить об одном художественно-литературном эпизоде, имевшем трагические последствия, случайным свидетелем которых мне пришлось быть. Эпизод этот произошел с картиной покойного художника А. Наумова— «Белинский перед смертью», о которой, конечно, помнит еще петербургская интеллигенция 70—80 гг. прошлого столетия. В феврале или марте 1881 или 1882 года (точно не помню) в одном из №№ «Нового времени» появилось коротенькое сообщение, что с этого дня художник А. Наумов выставляет в своей студии для обозрения публикой свою картину— «Белинский перед смертью». Так как имя Белинского в то время еще не пользовалось полным правом гражданства и он назывался, по крайней мере, в школьных учебниках по литературе, все еще «известным критиком 40-х гг.», то я, подозревая возможность всяких превратностей судьбы, прочитав утром вышесказанное газетное сообщение, сейчас же отправился со знакомым в студию художника, помещавшуюся в доме на углу Михайловской площади и Итальянской улицы рядом с Михайловским театром в одной из мансард. (Этот старинный дом с мансардами петербуржцы того времени наверное еще помнят.)

Мы были любезно допущены художником к осмотру картины. Содержание ее взято целиком из известной книги А. Н. Пыпина: «В. Г. Белинский. Его жизнь и переписка». СПб., 1876 г. Зритель видит часть довольно просторного кабинета Белинского, в углу на диване, недалеко от письменного стола полулежит с книгой великий критик, около него сидят Н. А. Некрасов и И. И. Панаев; тут же у кресла играет в куклы дочурка Белинского, девочка лет 3—4; в кабинет только что вошла жена Белинского с испуганным лицом, сообщающая что-то страшное; все присутствующие, кроме играющей девочки, сильно встревожены, да и есть отчего: в открытую дверь через соседнюю комнату видна спина прислуги, стоящей у порога кухни, а перед ней, лицом к зрителю,

Жандарм с усищами громадный.

Одним словом, взят тот момент из жизни Белинского, когда к нему, как рассказывает А. Н. Пыпин на основании сохранившихся письменных документов, 27 марта 1848 г., т. е. за два месяца до смерти, был прислан из III Отделения жандарм с повесткой, по которой великий критик обязан был немедленно явиться в III Отделение. Этот вызов был уже второй, так как на первый, от 20 февраля того же года, Белинский ответил, что он так болен, что явиться не может. На второй вызов, как говорится в воспоминаниях о Белинском, пошел в III Отделение один из его друзей и объяснил старшему чиновнику канцелярии, Попову, о тяжкой болезни великого критика. Услышав это, Попов, к несчастью бывший учитель русской словесности Белинского по Пензенской гимназии, а тогда старший чиновник III Отделения, рассыпался в извинениях за причиненное им Белинскому беспокойство и при этом сказал, что последний вызывался не по какому-либо обвинению, а единственно для того, чтобы лично позна-

комиться с начальником ведомства (где служил Попов), *хозяином* русской литературы..., т. е. Дубельтом, начальником III Отделения.

Пока мы рассматривали картину, вспоминая вышеизложенное, раздался стук в дверь, и на любезное приглашение художника в комнату вошел какой-то господин, лет 60-ти, с очень неприятным бритым лицом, одетый в прекрасную ильковую шубу. Слегка наклонив голову, он спросил у художника разрешения осмотреть картину и, получив таковое, почти вплотную подошел к ней и начал очень пристально ее рассматривать. Первое впечатление у присутствующих было, что господин этот очень плохо видит, и потому художник предложил ему бинокль, от которого неизвестный отказался и, обернувшись к художнику вполуоборот, с ядовитой улыбкой сказал: «Я отлично вижу!» — и снова продолжал, казалось, не столько смотреть, сколько вынюхивать носом картину и вдоль и поперек. Так продолжалось томительных минут 10, пока подозрительный незнакомец рассматривал картину. Наконец, закончив осмотр, он повернулся к художнику и сказал буквально следующее: «Все это вранье! Подобного ничего никогда не было». На это художник возразил, что он ничего здесь не выдумывал, а взял из книги А. Н. Пыпина «В. Г. Белинский. Его жизнь и переписка». «И у Пыпина все вранье!— продолжал таинственный незнакомец.— Дубельт был прекрасный человек и никогда никому зла не делал, а разные Пыпины на него только лгут». Затем, слегка поклонившись, хотел уходить. Тогда художник его спросил: «Позвольте узнать, с кем я имел честь сейчас говорить?» Ответ был краткий и убийственный: «Чиновник из III Отделения Шешковский!» (или Шесковский — хорошо не расслышал)[59]. И затем этот господин, громко стуча кожаными подошвами, победоносно вышел из комнаты.

Финал понятен каждому: картина не только не появилась на выставке передвижников, куда она была уже предназначена, но о ней больше не упоминалось и в печати. Так картина погибла и для общества, и для автора.

Месяца через три после описанного печального события мне пришлось еще раз встретиться с художником А. Наумовым, который теперь жил уже на окраине тогдашнего Петербурга, в самом конце Зелениной ул. (Петербургская сторона) в маленькой комнатке деревянного домика, где и написана им последняя его картина «Дуэль Пушкина».

Когда я к нему пришел, он узнал меня и, вспоминая о первой нашей встрече при таких печальных обстоятельствах, рассказал мне о последующих событиях этой трагической истории. В тот же день, часа через четыре после ухода охранника Шешковского, художник получил из III Отделения бумагу, в которой под угрозой требовалось от него письменное заявление, что он не только не выставит своей картины: «Белинский перед смертью» ни на какой выставке, но и не будет допускать публику для осмотра ее в своей студии. Так быстро преемники Дубельта искоренили ту «правду», о которой «лгали разные Пыпины».

Наумов заказал только фотографии с злополучной картины, которые с большой осторожностью продавал по одному рублю известным ему лицам; один экземпляр вручил он и мне.

Вскоре после этого, закончив «Дуэль Пушкина», которая появилась на выставке, художник умер. Картина же «Белинский перед смертью» куда-то исчезла. Я тщетно искал ее и в Петербурге, и в Москве, и только в прошлом году случайно узнал, что она находится в Москве в каком-то частном собрании.

Неужели и в настоящее время комиссия, заведующая сохранением произведений национального искусства, не приобретет ее и не поместит на видном месте в Музее Александра III?

Но размах кнута, занесенный III Отделением, ударил, кажется, не одного А. Наумова, он хлестнул и А. Н. Пыпина.

Через год после описанного случая мы, тогдашние студенты-словесники, надумали купить книжку А. Н. Пыпина: «В. Г. Белинский. Его жизнь и переписка». Когда я для этого пришел в книжный магазин Стасюлевича, то получил странный ответ: «Все издание распродано, а нового не предполагается». Через короткое время после этого я познакомился с самим Александром Николаевичем и спросил его, правда ли это[60]. Он как-то странно улыбнулся и, узнав, сколько мне надо экземпляров, сейчас же написал записку управляющему магазином г. Хаментовскому[61], прося отпустить мне по много пониженной цене требуемое число экземпляров, что и было немедленно исполнено.

Думаю, что ответ приказчика: «Издание все распродано» не носил ли следов давления охранника Шешковского? В заключение обращаюсь к почтенным сочленам Русского библиологического общества, к тем, которые описывают архив III Отделения, с просьбою посмотреть, что имеется там в делах под указанными датами (*февраль или март 1881 или 1882 г.*) по поводу рассказанной мною истории и какие приведены мотивы, по которым картина художника А. Наумова «Белинский перед смертью» приговорена была к гражданской смертной казни.

Н. А. Смирнов

27. V. 917.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] О Наумове — см.: «Художественные новости», 1886, № 21, от 1 ноября, стр. 559 и 594; «Вестник изящных искусств», т. VIII, вып. 2. СПб., 1890, стр. 159—160; Ф. И. Булгаков. Наши художники, т. II. СПб., 1890, стр. 69—70; «Исторический вестник», 1895, № 12, стр. 1014; «Всемирная иллюстрация», 1895, № 1397, от 4 ноября, стр. 362; П. Тихомиров. Исторический очерк 2-й С.-Петербургской гимназии. СПб., 1905, стр. 290; А. В. Курганович и А. В. Круглый. Историческая записка 75-летия С.-Петербургской 2-й гимназии, т. III. СПб., 1905, стр. 290; С. Н. Кондаков. Императорская С.-Петербургская академия художеств. 1764—1914, т. II. Список русских художников. СПб., 1914, стр. 137; Г. К. Градовский. Неопределенная вырезка статьи о Наумове.— Научный архив Гос. Русского музея.

[2] Портрет Чайковского сделан по фотографии в 1894 г. См. письмо Наумова к Ф. И. Стравинскому от 24—25 января 1894 г. Посылая портрет, бедствовавший художник просил разыграть его в лотерею за 30 р. (Архив ИРЛИ, 25382. CLXXIIб. 21).

[3] В Научном архиве Гос. Русского музея хранятся копии (рукою дочери художника П. П. Чистякова) четырех неизданных писем Наумова к П. М. Третьякову, в которых он просил выслать ему денег, благодарил за доставленную работу, сообщал о писании икон и пр. Письма, кроме одного (от 1 июня 1894 г.), без дат.

[4] См. «Русская старина», 1884, № 11, стр. 317 и 319.

[5] Это авторское наименование картины взято с фотографии с дарственной надписью Наумова А. Н. Якоби. Местонахождение картины нам неизвестно. Фотография хранится в архиве ИРЛИ, ф. 134, оп. 4, № 658.

[6] И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка, т. I. М.— Л., 1948, стр. 130.

[7] «Новое время», 1876, № 17, от 16 марта, стр. 1. Перепеч.: В. В. Стасов. Собр. соч., т. I. СПб., 1894, отд. II, стр. 528.

[8] Школа рисования. Для детей младшего возраста средних учебных заведений и начальных школ. Тетрадь 1—3. СПб., 1892. (Отзывы: «Новое время», 1892, № 5767, от 19 марта; «Новости», 1892, № 129, от 11 мая).

[9] 110 × 167 см. В правом углу внизу: «А. Наумов. 1884». На тот же сюжет написана и картина художника Б. И. Лебедева, 1948 г.

[10] А. Н. Пыпин. Белинский, его жизнь и переписка. СПб., 1876, стр. 330—331; ср. стр. 325—326, 329. В приведенных словах Пыпин цитирует неизданные в то время воспоминания Н. Н. Тютчева (см. Белинский. Письма, т. III. СПб., 1914, стр. 450—451).

[11] «Приглашение в III Отделение В. Г. Белинского в 1848 г.» — «Русская старина», 1882, № 11, стр. 434—435.

[12] В. Е. Якушкин. Белинский на картине Наумова. (Письмо к редактору).— «Русские ведомости», 1898, № 97, от 10 апреля, стр. 4.

[13] И. С. Тургенев. Воспоминания о Белинском.— «Белинский в воспоминаниях современников». М., 1948, стр. 371.

[14] «Лит. наследство», т. 57, 1951, стр. 309.

[15] И. И. Ясинский. Роман моей жизни. Книга воспоминаний. М.— Л., 1926, стр. 145.

[16] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII. М.—Л., 1931, стр. 293.

[17] Н. Д. Эфрос. К. А. Горбунов — портретист Белинского.— «Лит. наследство», т. 57, 1951, стр. 364, 372; Н. В. Некрасов. Портреты Белинского.— «Русские ведомости», 1911, № 123, от 31 мая, стр. 2. Копию Редера и портрет Горбунова — см. «Лит. наследство», т. 55, 1948, стр. 19 и 53; т. 56, 1950, стр. 77.

[18] См., например, «Лит. наследство», т. 57, 1951, стр. 321; «Альбом выставки, устроенной Обществом любителей российской словесности в память В. Г. Белинского 8—12 апреля 1898 г.» Изд. 2. М., 1898, стр. 13; «Нива», 1898, № 21, стр. 405.

[19] «Лит. наследство», т. 53-54, 1949, стр. 437.

[20] См., например, «Лит. наследство», т. 51-52, 1949, фронтиспис и стр. 359, 397; т. 49-50, 1946, после стр. LXIV; т. 53-54, 1949, стр. 193 и др.

[21] См. «Лит. наследство», т. 53-54, 1949, стр. 5.

[22] Если у Наумова были, таким образом, определенные идеологические основания, то допускать подобный анахронизм художнику советского времени едва ли простительно. В картине А. С. Лепилина (1950 г.) «Белинский, Некрасов и Панаевы», воспроизведенной в т. 57 «Лит. наследства» (1951, стр. 245), Некрасов в 1842—1846 гг., то есть в возрасте 21—25 лет, изображен в облике 1860-х годов. Этой ошибки избежал Б. И. Лебедев в картинах «Некрасов и Белинский» и «Некрасов в петербургском кружке Белинского» (там же, т. 53-54, стр. 9 и 31). Отметим одну небольшую неточность Наумова. В письме к П. В. Анненкову от 20 ноября — 2 декабря 1847 г. Белинский сообщал, что в его новой квартире «полы парке» (Белинский, т. XII, стр. 426). На картине Наумова бедность обстановки подчеркнута ясно видным досчатым полом. Письма к Анненкову Наумов не мог знать, но современники Белинского, с которыми он консультировался, могли сообщить ему эту деталь. Подробное и, по-видимому, очень точное описание кабинета Белинского содержится в письме М. В. Белинской к художнику И. А. Астафьеву от 24 декабря 1873 г. («Былое», 1917, № 4, стр. 181—182).

[23] Замысел ее или начало работы относится, однако, к 1882 г. Это следует из авторской надписи С. Д. Дрожжину на фотографии: «1882 г. Спиридону Дмитриевичу на добрую память от автора. 1891 г. январь 23» (Музей ИРЛИ). Ф. И. Булгаков, вопреки точной авторской подписи, ошибочно датирует картину 1882 г. —«Наши художники», т. II. СПб., 1890, стр. 70).

[24] «Новости и Биржевая газета», 1884, № 18, от 18 января, стр. 3. По-видимому, именно это «объявление» имеет в виду Н. А. Смирнов, ошибочно называя другой год и другую газету (см. ниже, стр. 569).

[25] «Всемирная иллюстрация», 1884, № 789 (9), от 25 февраля, стр. 186; ср. «Газета Гатцука», 1884, № 3, от 22 января, стр. 64.

[26] «Гражданин», 1884, № 8, от 19 февраля, стр. 12—13.

[27] Архив ИРЛИ, ф. 183, оп. 1, № 249.

[28] Ее нет в «Каталоге 12-й передвижной выставки картин товарищества передвижных художественных выставок». СПб., 1884; имеются два издания этого каталога: дата ценз. разр. одного — 25 февраля, другого — 8 марта.

[29] ЦГИАЛ, ф. 776, д. 20 (3-го отделения Главного управления по делам печати «По жалобам разных лиц на действия цензурных учреждений»), лл. 15—16 (отпуск).

[30] «Гражданин», 1884, № 10, от 4 марта, стр. 12.— Курсив мой. Эта статья указана мне И. С. Зильберштейном.

[31] П. П. Чистяков. Письма, записные книжки, воспоминания. 1832—1919. М., 1953, стр. 143. Судя по ироническому отзыву, сообщаемому П. П. Гнедичем, Чистяков невысоко ценил Наумова (П. П. Гнедич. Книга жизни. Воспоминания. 1855—1918. Л., 1929, стр. 69).

[32] «Советское искусство», 1936, № 27, от 11 июня, стр. 2; П. П. Чистяков. Указ изд., стр. 145.

[33] В январе 1885 г. на выставке Общества поощрения художеств была выставлена картина Наумова «Дуэль Пушкина». Воспроизводя картину в «Ниве», журнал писал: «Первая картина художника „У Белинского“, отличавшаяся тенденциозностью, не была выставлена публично, а потому о ней здесь говорить не будем» («Нива», 1885, № 5, от 2 февраля, стр. 19). В этих строках содержится намек на судьбу картины и напоминание о ней.

Известны экземпляры фотографий с картины большого формата (255 × 160) с дарственной надписью П. А. Ефремову (дата — 11 мая 1884), С. Д. Дрожжину (дата— 23 января 1891), Л. Н. Модзалевскому (дата — 1887), П. Я. Дашкову (дата —2? января 1888), и без надписи малого формата (153 × 95), принадлежавшей А. Н. Пыпину (дата — 8 марта 1884) — все эти фотографии (с грифом — «собственность художника») находятся в фондах ИРЛИ (шифры соответственно: 46563, 26400, 1385, 27269 и 19789). Кроме того, у меня имеется экземпляр малого формата, принадлежавший моему отцу — в 1881—84 гг. студенту Петербургского технологического института.

[34] Шифр — 2-12818. Фототипия размером 215 × 130 мм.

[35] Архив ИРЛИ, ф. 313, оп. 3, № 131.— Карл Викентьевич *Лемох* (1841—1910) — художник, один из деятельных участников в товариществе передвижников.

[36] См. «Каталог выставки 1891 года в имп. Академии художеств» (СПб., 1891), стр. 6 и 15, №№ 71 и 190.

[37] «Живописное обозрение», 1891, № 10, от 10 марта, стр. 174.

[38] «Академическая выставка».— «Новое время», 1891, № 5395, от 7 марта, стр. 2; Буква ⟨И. Ф. Василевский?⟩. Петербургские наброски.— «Русские ведомости», 1891, № 67, от 10 марта, стр. 3; «Академическая выставка».— «Петербургский листок», 1891, № 64, от 7 марта, стр. 2.

[39] И. Ф. Масанов. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей, т. II-III. М., 1948, стб. 603.

[40] «Академическая выставка 1891 года».— «С.-Петербургские ведомости», 1891, № 70, от 3 марта, стр. 2; ср. иронический отзыв П. П. Гнедича о Наумове в его «Книге жизни», цит. изд., стр. 69.

[41] «Выставка в Академии художеств».— «Биржевые ведомости», 1891, № 65, от 6 марта, стр. 3.

[42] «Академическая выставка».— «Новости и Биржевая газета», 1891, № 67, от 8 марта, стр. 3.

[43] Другая картина «В отставке», как видно из неизданного письма Наумова к И. Ф. Шене от 19 июня 1891 г., была продана в июне за 300 р. (ИРЛИ, ф. 123, оп. 2, № 554).

[44] Не вполне ясно, писал ли художник картину наново или в старой картине записал белой краской фигуру жандарма и кухарки, а позднее восстановил первоначальную, политически гораздо более острую редакцию. Второе предположение вероятнее.

[45] ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 5, д. 78, «По картине Наумова „Последние минуты Белинского"».

[46] Имеется в виду воспроизведение первоначального варианта в «Новом времени», 1896, № 7444, от 16 ноября, прилож., № 305, стр. 8.

[47] ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 21, д. 10 (3-го отделения Главного управления по делам печати, «По вопросам относительно пропуска в свет различных произведений печати»), лл. 11—12. Приложенный экземпляр воспроизведения картины в деле не сохранился.

[48] Там же, л. 14.

[49] Там же, л. 13 (отпуск).

[50] На этой выставке экспонировался раскрашенный Наумовым в 1884 г. экземпляр фотографии с картины. См. «Каталог выставки, устроенной Обществом любителей российской словесности в память В. Г. Белинского 8—12 апреля 1898 г.». Изд. 2. М., 1898, стр. 6, №№ 24 и 25.

[51] В. В. Чуйко. Посмертная выставка картин А. А. Наумова.— «Всемирная иллюстрация», 1895, № 1399 (21), от 18 ноября, стр. 408. В статье Чуйко ошибочно указано будто бы картина выставлялась в 1884 г. Отмечая хорошую композицию картины, Чуйко осуждает вялые краски и качество рисунка.

[52] «Белинский и художники».—«Советское искусство», 1936, № 27, от 11 июня, стр. 2.

[53] «Каталог...», стр. 29, № 168.

[54] «Северный курьер», 1900, № 346, от 1 ноября, стр. 3.

[55] «Новости дня», 1900, № 6274, от 7 ноября, стр. 2.

[56] «Советское искусство», цит. статья.

[57] В «Огоньке» (1939, № 8, стр. 13) ошибочно указано, будто бы картина находится в Третьяковской галерее. Кроме того, музею принадлежит копия этой картины, сделанная в 1937 г. художницей А. А. Рончевской.

[58] Рукопись заметки Н. А. Смирнова обнаружена М. М. Штерн и публикуется впервые по автографу, хранящемуся в Отделе редких книг Научной библиотеки им. М. Горького ЛГУ. Об авторе, к сожалению, никаких сведений собрать не удалось. Заметка подписана Смирновым, но самый текст написан другой рукой. Воспоминания были прочтены на одном из заседаний Русского библиологического общества в 1917 или в 1918 г. На л. 4 об. несколько фраз карандашом — запись высказываний и перечень выступавших на заседании. Кроме того, на полях рукописи, в нескольких местах,— иронические пометки неизвестной рукой.

[59] III Отделение было ликвидировано в 1880 г. и заменено Департаментом полиции. Называемая Смирновым фамилия в официальных списках отсутствует. Возможно, однако, что посетивший Смирнова чиновник из политической полиции назвал себя именем — ставшим нарицательным — известного сыскных дел мастера XVIII в. Шешковского.

[60] В делах Петербургского цензурного комитета в ЦГИАЛ материалов по цензурному преследованию книги А. Н. Пыпина нет.

[61] На полях исправлено: «Хомиховский».